

НѢСКОЛЬКО СЛОВЪ

О СОВРЕМЕННОМЪ НАПРАВЛЕНІИ

НѢКОТОРЫХЪ НАШИХЪ ПИСАТЕЛЕЙ ПО ТАКТИКѢ (*).

Въ послѣднихъ двухъ номерахъ „Военнаго Сборника“ за истекшей годъ, помѣщена статья подъ заглавіемъ „о вѣроятныхъ перемѣнахъ въ тактикѣ, вследствие распространения далеко и скорострѣльнаго оружія“, авторъ, которой обозначилъ свою фамилію псевдонимною подписью Д. Такъ какъ въ „Воен-

(*) Въ № 11 и 12 „Военнаго Сборника“ за прошлый 1867 годъ была помѣщена статья: „О вѣроятныхъ перемѣнахъ въ тактикѣ, вследствие распространения далеко и скорострѣльнаго оружія“. Статья эта, какъ заявленіе частныхъ мнѣній автора, помѣщена въ нашемъ журналѣ съ цѣлію вызвать всестороннее обсужденіе сущности вопроса, касающагося до вѣроятныхъ измѣненій въ тактикѣ, обуславливаемыхъ современными военными событіями въ западной Европѣ и новыми началами, внесенными въ военное искусство.

Помѣщая настоящую статью г. м. Гершельмана, какъ возраженіе на статью, напечатанную въ „Военномъ Сборникѣ“ по этому весьма важному вопросу, требующему серьезнаго обсужденія главныхъ его основаній, редакція считаетъ необходимымъ привести слѣдующую оговорку.

Г. м. Гершельманъ, рассматривая вышеупомянутыя статьи, придаетъ имъ „оппозиціонный характеръ“. Замѣтимъ, что статьи съ „оппозиціоннымъ характеромъ“ никогда бы не могли и не могутъ занять мѣсто на страницахъ официальнаго журнала, единственная цѣль и назначеніе котораго, состоящее въ литературнымъ путемъ, совершенствованію военнаго дѣла въ нашемъ отечествѣ и, тѣмъ самымъ, стремиться къ достиженію цѣли предначертанной правительствомъ. Помѣщая статьи въ журналѣ редакція неуклонно руководится главнымъ условіемъ — выслушивать разностороннія мнѣнія членовъ военнаго общества для разумнаго выясненія того, или другаго вопроса. При этомъ, частныя мнѣнія авторовъ, по разнообразнымъ предметамъ военнаго дѣла, помѣщаемыя въ „Военномъ Сборникѣ“, вовсе не имѣютъ обязательнаго характера для военно-служащихъ, служебная долговѣрность которыхъ обуславливается законоположеніями и уставами. Ред

номъ Сборникъ“ за прошлые годы были помѣщены замѣчательныя тактическія статьи, обозначенныя тѣмъ же псевдонимомъ Д, и, кромѣ того, столь же замѣчательныя тактическія изслѣдованія г. Драгомирова, и при томъ, какъ тѣ, такъ и другія отличаются единствомъ направленія и характеромъ изложенія — то я, въ настоящей статьѣ отнесусь разомъ къ обоимъ авторамъ, проводящимъ одни и тѣ же начала. — Всѣ статьи помянутыхъ авторовъ конечно не пройдутъ безслѣдно, потому что оставляютъ далеко не поверхностное впечатлѣніе на наше военное содловіе. Впечатлѣніе статьи: „о вѣроятныхъ измѣненіяхъ тактики и проч.“, должно быть еще сильнѣе, такъ какъ статья эта, какъ бы, резюмируетъ весь рядъ предъидущихъ заявленій помянутыхъ авторовъ относительно принятой у насъ системы *воспитанія и тактической употребленія войскъ*.

Не имѣя времени прослѣдить весь рядъ этихъ оригинальныхъ статей, полныхъ здравыхъ мыслей, но рядомъ съ ними и увлеченій, я долженъ ограничиться изображеніемъ впечатлѣнія этого ряда статей, этого новаго ученія „на старый ладъ“. Ученіемъ я это называю по выражающемуся фанатизму, по докторальности тона статей и по очевидной требовательности со стороны авторовъ слѣпаго послѣдованія за ихъ убѣжденіями, подъ угрозою быть заклейменнымъ разными эпитетами отсталости, пустыхъ бутылокъ съ громкими ярлыками и пр. и пр.

Появленіе подобныхъ ученій въ области военнаго искусства, дѣло далеко не новое. Они всегда бывали, какъ законныя послѣдствія почти всѣхъ крупныхъ, выходявшихъ изъ ряду, явленій въ сферѣ военнаго искусства; какъ же было не явиться новому ученію теперь, когда вся Европа еще не отдала себѣ отчета въ недавнемъ кенигсгрецкомъ погромѣ. — Надобно впрочемъ отдать справедливость г. Д., что онъ и до событій 1866 года проводилъ, въ главнѣйшихъ основаніяхъ, тѣ же начала, которыя высказаны и теперь, съ тою разницею, что въ прежнихъ статьяхъ были розысканія, поученія, допускались возраженія, нынѣ же, громы разятъ всякое самостоятельное воззрѣніе, если оно только не согласно съ ученіемъ г-на Д.

Все это высказываю теперь не въ видѣ упрековъ авторамъ, а въ доказательство, что излагаемыя ими мысли уже не назиданія или совѣты, а новое ученіе, переходящее, незамѣтно и вѣроятно помимо желаній авторовъ, въ какую то *отпозицію*.

За тѣмъ, оппозиція всегда рѣзка, всегда настойчива, она сдѣлать не можетъ—ибо это противорѣчило бы духу оппозиціи. Вотъ какъ я себѣ объясню эту непримирчивую подѣль рѣзкость разбираемыхъ статей и, въ этихъ видахъ, я смотрю съ некоторымъ снисхожденіемъ на тонъ этого ученія, гдѣ, не рѣдко, вмѣсто доказательствъ, чуть ли не прямо, высказывается, что только отсталость можетъ не согласиться съ заявленными тенденціями автора.

Съ другой стороны, именно потому, что это оппозиція—надобно строго относиться, какъ къ налагаемымъ началамъ, такъ и къ способамъ ихъ примѣненія къ дѣлу—иначе, выйдутъ и на дѣлѣ такія же крайности, какими изобилуетъ это ученіе.

Исходя изъ совершенно вѣрнаго основанія, что войска должны быть ведены въ мирное время по возможности ближе къ условіямъ ихъ военного быта, новое ученіе отрицаетъ мало по малу чуть ли не всѣ тѣ учебныя занятія въ мирное время, которыя должны служить залогомъ морядка на дѣйствительной службѣ войскъ, на томъ основаніи, что въ военное время невозможно бываетъ сохранить тотъ же порядокъ и ту же стройность.

Такъ напр. совѣтуется ослабить въ мирное время требованія сомкнутости, допуская ее въ кавалеріи только по недостатку одиночнаго развитія всадниковъ; стройности движенія массы, равнаго шага, или, хотя и признается важность равенія въ каждой отдѣльной части, но оно допускается лишь по тѣмъ, которые рвутся впередъ. Осуждается, что на совокупныхъ ученіяхъ, нѣсколькихъ баталіоновъ требуется „математическое“ равеніе (не говоря уже о цѣпи, въ ней давно и никто не требуетъ равенія). Какъ же допускать, говоря вообще, чтобы не требовать равенія на дирекціональный баталіонъ, если это единственное средство къ стройному движенію массы въ данномъ направленіи. Вѣдь не можетъ же авторъ не знать, что дирекціональному баталіону начальника указываетъ направленіе на лавой нибудь предметъ мѣстности или интервалъ и т. п. и что другіе баталіоны соображаются т. е. взглядываются на баталіонъ равенія. Это самый простой механизмъ, механизмъ вездѣ и въ бою примѣнимый, если не командою „равненіе по такому то баталіону“, то, приказаніемъ соображаться съ нимъ. Скажутъ, что равеніе осуждено въ примѣненіи его къ цѣлой боевой линіи, но это негдѣ, потому что никому и въ

голову не придетъ равненіе тамъ, гдѣ не всѣ баталіоны имѣютъ одну задачу. Это подтверждается самимъ уставомъ, гдѣ нѣсколько этого не требуется, но уменьшено нарушается равненіе когда нужно: ломкою линіи на уступы, шахматы и т. п. Какъ же не потребовать стройнаго равненія и движенія, если, какъ и самъ авторъ не можетъ отрицать, что въ бою и безъ того столько поводовъ къ безпорядку, что только выдержанными и стройно обученными войска могутъ устоять противъ искушеній безпорядка.

Равненіе въ затылокъ вовсе осуждено авторомъ, равно какъ и чувство локтя въ сомкнутомъ баталіонѣ. Вообще говоря ослабленіе регулярности. Далѣе отрицается значеніе командъ; они должны замѣняться приказаніями, толкованіями.

Говоря о самостоятельности ротъ, съ требованіемъ, при этомъ, полного отрѣшенія отъ порядка ихъ нумеровъ въ баталіонѣ, авторъ совершенно упускаетъ изъ виду, что въ бою, боѣе чѣмъ гдѣ либо, необходима стройность, необходимъ порядокъ, который долженъ быть требуемъ, доволъ это возможно; въ противномъ случаѣ часть ускользнетъ изъ рукъ начальника. Далѣе авторъ совѣтуетъ постоянно сѣдлатъ лошадей полными вынономъ, т. е. обременять спину лошади, дабы она привыкла нести тяжесть; совѣтуетъ держать лошадей кавалеріи подъ открытымъ небомъ. Почему бы не посоветовать бросить правильность въ задачѣ корма, или неравсѣдывать лошадей по цѣлымъ суткамъ. Въ другой статьѣ авторъ безусловно говоритъ, что степныя лошади для кавалеріи лучше заводскихъ; что „для кавалеріи, какъ и для пѣхоты въ мирное время возможна частая перемѣна квартиръ — необходимое условіе рациональнаго воспитанія“; что манежи въ кавалеріи неизбежное (по климату) зло. Забывая, что манежъ для лошади, тоже, что гимнастическій городокъ для пѣхоты. Въ другомъ мѣстѣ, авторъ требуетъ совершенной самостоятельности, если не важнаго орудія въ батареѣ, то по крайней мѣрѣ вводовъ. И все это говорится докторальнымъ тономъ въ видѣ аксіомъ, безъ всякаго доказательства, или, если авторъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ, и приводитъ возраженія, ожидаемая имъ „противъ его положеній, то, вмѣсто сравненія, говорить: „слова, слова, слова или ярышки, ярышки, ярышки“.

Начитавшись этого въ статьѣ столь уважаемаго военнаго писателя, неопытный читатель, невидавшій никогда боя, во-

образить себѣ бой, примѣрно, слѣдующею картиною: прежде всего обязательно каждому, даже солдату, растолковать намѣреніе главнаго начальника и способы ихъ воплощенія; потомъ, начальникъ долженъ каждой части отдать приказаніе: куда идти и показать предметъ атаки; затѣмъ уже, каждый ротный и эскадронный командиръ дѣйствуетъ по своему усмотрѣнію и роты не будутъ сплосны въ баталіонахъ привыкомъ, а свяжутся лишь „по убѣжденію исходящему изъ головы и сердца“; кавалерія равняется на всякаго выскакавшаго впередъ всадника, потому что этотъ всадникъ „этого достоинъ“; связь между соседними баталіонами допускается лишь въ смыслѣ поддержки впереди стоящаго баталіона, сообразиться же съ баталіономъ въ одной линіи дѣйствующимъ—это признаніе отсталости, „ерндритовская тактика“. Въ артиллеріи, всякій заводный командиръ будетъ стрѣлять тѣмъ оварядомъ и въ томъ направленіи, какъ онъ признаетъ за лучшее. А во всему этому—всякій, кому вздумается, можетъ окопаться траншеею, лишь бы она не была „художественна“.

Вотъ въ какихъ крайностяхъ можетъ повести буквальное послѣдованіе этому ученію, если его принять на зѣру.

Далѣе, у автора есть еще другаго рода крайности, напримѣръ, „нужно одно помнить, что подчиненный начальникъ долженъ имѣть и свое мнѣніе, и въ критикѣ его распоряженій, не только не допускать громовъ и молній, но даже и то помнить, что всякое дѣло можно сдѣлать на двадцать ладовъ и что наше мнѣніе не есть лучшее потому только, что мы старше и что намъ отвѣчать не имѣютъ права“ — это излагается въ основаніи о веденіи войскъ въ мирное время. При этомъ, слѣдовало бы оговорить, что мнѣніе свое пусть каждый изъ подчиненныхъ начальниковъ имѣетъ, это дѣло полезно, но выполняй приказаніе старшаго начальника такъ, какъ онъ того требуетъ. Это одна изъ основъ особенностей военнаго быта. Сторонники г. Д. возражаютъ мнѣ: что вѣдь это говорится лишь о способѣ приуготовленія въ мирное время войскъ къ маневрированію; что вѣдь смыслъ этихъ строкъ лишь въ томъ, чтобы не дѣлать выговоровъ за ошибки на маневрахъ. Но мы смѣлимъ указать мнѣ, что это положено въ основаніе системы воспитанія войскъ, и потому, вышеприведеннымъ строкамъ автора, нельзя уже дать такого односторонняго объясненія, какого мы ожидаемъ отъ пубериковъ г. Д. Этотъ взглядъ нашъ

тѣмъ болѣе справедливъ, что самъ авторъ разбираемой статьи въ другомъ мѣстѣ говорить, что „примѣненіе этого основнаго замѣчанія желательнo бы видѣть и къ строевымъ ученіямъ за ошибки ничтожныя съ точки зрѣнія дѣла“. При такомъ авторитетѣ, каковаго себѣ требуетъ разбираемая статья, нельзя было автору не имѣть въ виду, что высказываніе подобныхъ желаній поведетъ къ самоизвиненію тѣхъ, которые за ошибки подвергаются замѣчаніямъ. По слабости человѣческой природы, и безъ этого ученія, во всякомъ обвиняемомъ, по большой части, складывается мысль: помигуйте — это вѣдь ошибка ничтожная съ точки зрѣнія дѣла. Тогда какъ, если уже желать сближенія военнаго быта въ мирное и военное время, то надобно бы преслѣдовать незнающихъ уставовъ и не готовить имъ извиненій; словомъ сказать, остановиться на томъ, какъ въ другомъ мѣстѣ статьи, самъ г. Д. говорить, что: „уставы для военныхъ должны быть святы какъ законоположеніе“. Далѣе, авторъ, говоря о томъ, что наша система строевыхъ занятій притупляетъ интересъ ротныхъ командировъ въ изученіи тактическихъ свойствъ строя, прибавляетъ: „Выдерживаютъ его на ученьяхъ и безъ примѣненія къ мѣстности, онъ и знаетъ снаровку на этихъ ученьяхъ нужны. А затѣмъ, въ коихъ выведутъ на маневры и изумляются, что и примѣниться-то онъ къ мѣстности неумѣетъ, и неворотливъ-то онъ, и восмѣтливъ-то онъ....“

Не можетъ же г. Д. не знать, что прежде маневровъ необходимо провѣрить всякую часть въ занятіяхъ строевыхъ уставовъ. Самъ же г. Д. признаетъ необходимость разграниченія ученій чисто строевыхъ, отъ ученій, производимыхъ съ какою-либо тактическою цѣлю.

Въ другомъ мѣстѣ г. Д., порицая принятую у насъ систему строевыхъ занятій, говоритъ, что „кромѣ сбивчивости понятій, кромѣ апатія и безъисходныхъ противорѣчій, подобная система ничего дать не можетъ. И она даетъ это, нужно ей отдать справедливость, въ такихъ дозахъ, что сердце вровью обливаеся“. Мы полагаемъ, что эти рѣзкія слова, брошенная столь даровитымъ писателемъ, какъ г. Д., именно способны развить еще большую апатію къ служебнымъ требованіямъ, такъ какъ обучающіеся прочувствуютъ въ этихъ строгахъ жолное себѣ оправданіе. Далѣе авторъ приводитъ, что: „полевая фортификація должна бы сложиться въ самую коротенькую

инструкцію, доступную для пониманія не только офицера, но и нижняго чина. Дѣло иногда не трудно, трудна хитрая обстановка, которую жрецы считают за выгодное давать дѣлу, дабы профаны относились къ оному съ благоговѣнiемъ. Что касается крайности этаго приговора съ его научной стороны, то просвѣщенная редакція „Военнаго Сборника“ уже сдѣлала весьма вѣрное замѣчаніе г-ну Д. въ самой статьѣ, а потому я считаю долгомъ указать вообще на вредъ подобныхъ крайностей относительно служебныхъ требованій. Г. Д. самъ столь вѣрно опредѣлилъ, въ одной изъ его статей, что „человѣкъ дѣлаетъ то, что привыкъ дѣлать“. Какъ же послѣ того допускать при воспитаніи войскъ мысли, что такое то напр., требованіе не значительно съ точки зрѣнiя дѣла; другое требованіе мало примѣнимо въ бою и во всякомъ случаѣ уже не въ полномъ своемъ объемѣ; третье требованіе имѣетъ мѣсто лишь при мирныхъ занятіяхъ и потому, конечно, уже не заслуживаетъ особаго вниманія; или напр., что все это вѣщность, а не дѣло и пр. и пр.

Не можетъ же не знать г. Д., что только привычка безусловнаго исполненія приказаній, взятая войсками за годы воспитанія, можетъ служить залогомъ точнаго выполненія предначертаній начальника въ пылу неурядицы жаркаго боя. Не можетъ же авторъ не допускать, что въ бою не всѣ люди храбры, что отдѣльные герои храбрости не выручатъ дѣла, а успѣхъ его, въ опытной рукѣ начальника, зиждится на привычкѣ всѣхъ и каждаго, ко святому исполненію требованій и, что этою исполнительностію, этимъ святымъ сознаніемъ долга, обратившемуся въ привычку, дополняется, подчасъ, недостатокъ и характера и храбрости. Не можетъ же не знать г. Д., что стоитъ лишь подорвать довѣріе къ существующимъ уставамъ и порядкамъ—чтобы никто ихъ не изучалъ; стоитъ лишь сказать, что требованія службы мирнаго времени по большей части педантизмъ и всякій увидитъ въ этомъ свое оправданіе при неисполненіи служебныхъ требованій. А подобныя отклоненія, начиная съ мелкихъ, обращаются въ привычку, что ведетъ къ болѣе крупнымъ уклоненіямъ. Вѣдь и въ караульной службѣ войскъ, въ мирное время, есть педантическія требованія, которыя однако необходимы, чтобы поддержать святость этой важной воинской обязанности. Допуская подобныя тенденціи, вѣдь мало по малу можно придти къ подрыву большей

части требованій, простираемыхъ къ войскамъ въ мирное время.

Сопоставля все это вмѣстѣ, невольно посѣтуешь, что столь даровитый военный писатель, какъ г. Д. въ своихъ сочиненіяхъ, не отнесся серьезнѣе къ насущнымъ вопросамъ военного образованія. Правду сказать, я ожидалъ, что авторъ выскажетъ скорѣе необходимость строгаго и точнаго исполненія всѣхъ требованій, каковы бы они въ данную минуту ни были; что авторъ, владѣя столь рѣзкимъ и убѣдительнымъ перомъ, выскажетъ, что подобный взглядъ долженъ лежать въ основѣ воспитанія войскъ. Я ожидалъ, что затѣмъ авторъ прослѣдитъ, безъ ироніи, безъ желчи, настоящее положеніе военного искусства и укажетъ на способы приложенія его выводовъ къ нашимъ войскамъ, примѣняясь къ характеру нашего солдата, потому что самыя лучшія основанія военного дѣла, только тогда могутъ принести существенную пользу, когда они согласованы съ духомъ народа, съ его индивидуальнымъ характеромъ. А, между тѣмъ, авторъ, въ примѣрахъ своихъ, нерѣдко увлекается минутною храбростію француза, итальянца, забывая, что они за то неспособны къ продолжительнымъ лишеніямъ, трудностямъ и рѣдко выносятъ превратности военного счастья. Нашъ же солдатъ только и выкажетъ высокія свои достоинства въ обстоятельствахъ, когда болѣе сангвиническій народъ уже навѣрное сдѣлалъ. Наконецъ, говоря вообще, едва-ли вѣрно видѣть залогъ успѣха кровавой драмы боя въ судорожной запальчивости предпріятій, въ единичныхъ безсвязныхъ подвигахъ мелкихъ частей, не указывая почти вовсе на сдержанный, но настойчивый, удорный бой, гдѣ послѣдній тяжелый ударъ стройной массы, повидимому, неотвратимъ, какъ сама судьба. При этомъ я невольно вспоминаю о впечатлѣніи, произведенномъ на венгерцевъ въ сраженіи при Коморнѣ, когда, опьяненные побѣдою, они увидѣли вдали сбрую массу войскъ дивизіи генерала Паниотина, двинувшуюся изъ резерва и стройно наступавшую уступами баталіонно съ праваго фланга линіи. Самъ Гергей, передавая намъ это впечатлѣніе, говорилъ, что и онъ, пораженный стрійностію наступленія, сказалъ „съ такими-ли войсками намъ сражаться?“ Намъ, конечно, возразятъ, что это была *ручка*. Правда, венгерскія войска были оподчене, тѣмъ не менѣе, иди большой дорогой вслѣдъ за Гергеемъ отъ Бартельда до Вайцена мы, на каждомъ переходѣ, встрѣчали краснорѣчивые слѣды

эроновыхъ побѣдъ этой рухавки надъ австрійцами, которая недостатки своей организаціи заполнила народнымъ духомъ. Или же намъ скажутъ, что подобное впечатлѣніе могло имѣть мѣсто при тогдашнемъ образѣ вооруженія, нынѣ же стройность массы была бы сразу нарушена огнемъ. Отчасти вѣрно; но вѣдь и съ нынѣшнимъ вооруженіемъ развязка боя будетъ состоять въ выдвиненіи сомкнутыхъ массъ, стало быть стройность наступленія не пройдетъ и впередъ безъ извѣстнаго впечатлѣнія. Вспомните геройскую атаку кіевскихъ гренадеръ при штурмѣ Иерусалимскимъ воротъ съ ихъ незабвеннымъ: „*Ахъ, зачѣмъ было оторвать городить!*“. Да развѣ возможны столь славныя страницы исторіи безъ глубокой привычки войскъ къ стройному, сомкнутому движенію?...

Просмотрѣвъ наднякъ инструкцію бельгійскаго военнаго министра, я убѣдился, что требованія и положенія автора статьи „О вѣроятныхъ перемѣнахъ тактики“ заимствованы изъ этой инструкціи (*Instruction pour les généraux chargés de commander les troupes au Camp—10 Aout 1866*). Хотя авторъ и прежде, какъ я выше упомянулъ, проводилъ тѣ же взгляды, но этимъ я объясняю себѣ: во-первыхъ, авторитетъ, требуемый авторомъ къ его положеніямъ, и, во-вторыхъ, тотъ чужестранный оттѣнокъ, который несутъ на себѣ эти требованія, и который выражается въ преимущественномъ значеніи единичной запальчивой крабости, болѣе свойственной французу, чѣмъ нашему солдату.

Перехода затѣмъ къ строевымъ уставамъ вообще, я считаю долгомъ высказать сомнѣніе, чтобы наши уставы вносили бы въ войска апатію, мертвящее, механическое единство, основанное лишь на автоматически ровномъ шагѣ, чтобы требовалось равеніе звеньекъ въ цѣпи по шнуркамъ, чтобы „разстояніе между звеньями отиѣривались чуть не циркуломъ“, чтобы единство въ баталіонѣ зиждилось только на чувствѣ локтя и на томъ: „чтобы носъ задняго приходился въ затылокъ переднему“. Кто знакомъ съ настоящими уставами европейскихъ государствъ, тотъ, конечно, не колеблясь отдастъ преимущество нашимъ уставамъ. Интереснѣе всего сличить наши уставы съ уставами прусскими. Сравненіе это болѣе всего способно подтвердить превосходство нашего устава, даже пѣхотнаго (потому что кавалерійскій далеко его опередилъ) передъ прусскими уставами,

а между тѣмъ именно побѣды пруссаковъ и вызвали настоящее гоненіе на нашъ пѣхотный уставъ.

Прежде всего, я думаю, что едва ли вѣрно, послѣдствіе поднятой полемики задаваться мыслью, чтобы начертать новый уставъ. Никто несомнѣвается въ важности для войскъ устава; частое составленіе новыхъ уставовъ роняетъ ихъ значеніе и подрываетъ къ нимъ довѣріе. Можно исподволь исправлять уставъ, если правила его уже не согласны съ принятою системою вооруженія. Но вѣдь это не значитъ, чтобы ломать все старое и вводить такіа видоизмѣненія, которыя хотя по теоріи и могутъ казаться заманчивыми, но примѣненіе которыхъ не испробовано даже и въ мирное время. Скажутъ мнѣ, что вообще лучше издать новый уставъ, потому что эти постепенныя поправки въ существующемъ можно упустить изъ виду въ практической жизни. Я полагаю что это неудобство легко устроить (*).

Перехожу затѣмъ отъ общаго взгляда на строевыя уставы къ подробному ихъ разбору. Относительно пѣхотнаго устава авторъ статьи „О вѣроятныхъ перемѣнахъ въ тактикѣ“ требуетъ принятія въ основаніе устава самостоятельность ротъ. Надобно отдать справедливость, что доводы автора весьма убѣдительны. Но развѣ съ построеніемъ ротныхъ колоннъ роль баталіоннаго командира кончается? Развѣ командиръ не также внимательно будетъ слѣдить за ротами, какъ онъ слѣдилъ за ходомъ боя, когда роты были въ сомкнутомъ строѣ? Общая связь дѣйствій четырехъ ротъ все-таки сосредоточена въ командирѣ баталіона; ротный командиръ, находясь пѣшкомъ, по большей части не слѣдитъ за ходомъ боя; и все разиѣненіе четырехъ ротныхъ колоннъ такъ необширно, что лишь въ особыхъ случаяхъ обстоятельства могутъ поставить одну роту въ

(*) Стоитъ лишь отдавать въ полковыхъ приказахъ объ измѣненіяхъ устава; стоитъ положить правиломъ, чтобы уставъ безотлучно лежалъ въ дежурной комнатѣ каждой части; затѣмъ, чтобы этотъ уставъ былъ обязательно всегда исправленъ тотчасъ по объявленіи въ полковой приказъ объ измѣненіяхъ, республиканскихъ военнымъ министромъ. Можно, при производствѣ въ оецеры, выдавать каждому по экземпляру устава (хотя изъ денегъ, назначаемыхъ на обмундировку); эти экземпляры тоже были бы, конечно, исправлены согласно послѣднихъ измѣненій; можно наконецъ на инспекціяхъ обязательно требовать отъ оецеровъ знанія такъ измѣненій въ уставѣ, которыя послѣдовали отъ предыдущаго инспекторскаго смотра. Всѣ эти предложенія мимоходомъ сложились подъ перо; вдумавшись глубже, можно встрѣтить, пожалуй, и другіе, болѣе примѣнимые способы.

Прим. авт.

совершенно исключительное противъ другихъ положеніе. Авторъ безспорно вѣрно возстаеъ противъ уравниня рядовъ въ роткахъ даже въ военное время, такъ какъ же быть съ самостоятельностью ротъ, когда онѣ изъ 180 человѣкъ обратятся въ 50; это столь малая единица, которой и въ хозяйственномъ-то отношеніи трудно существовать.

На основаніи всего этого, я полагаю полезнымъ допускать самостоятельность ротъ въ отношеніи ихъ строя, не требованія одинаковости ноги въ ротныхъ колоннахъ, вообще говоря на столько, чтобы это не было въ ущербъ самостоятельности баталіона.

Дѣйствительно, постоянною единицею на дѣлѣ всегда остается баталіонъ, традиціи уже сплели его въ такое значеніе, для поддержанія котораго онъ имѣетъ и знамя, составляющее его душу, его единство. При ожидаемомъ новомъ вооруженіи, и рѣшительнаго, вслѣдствіе атого, значенія пальбы залпами, баталіонъ получить еще большую самостоятельность. Не надобно упускать изъ виду, что и баталіонъ въ военное время уже далеко не 900 человѣкъ; эта численность возможна лишь при выступленіи въ походъ.

Г. Д. ручается, что всѣ ротные командиры, за одинъ лагерь, усвоятъ себѣ всѣ качества, необходимыя для командованія самостоятельно тактической единицею.

Нисколько не сомнѣваясь въ этомъ, не знаю однако, отчего же въ статьѣ высказывается недовѣріе къ баталіоннымъ командирамъ, тогда какъ четыре баталіонные командира, полка выбраны изъ тѣхъ же 15 ротныхъ командировъ.

Что касается желанія автора разбираемой статьи, чтобы отрѣшиться отъ номеровъ ротъ въ баталіонѣ, то скажу откровенно, никакія доводы искуснаго писателя, никакіе примѣры не разсѣвають сомнѣніе насчетъ вѣрности атого взгляда; скажу больше, я глубоко убѣжденъ, что ато послужитъ поводомъ къ значительнымъ безпорядкамъ подъ огнемъ, при отступленіи (порою не совсемъ порядочномъ). Не знаю, случалось ли автору видѣть массу людей или хоть баталіонъ, выходящій изъ пыткой драги — не угодно ли привести атогъ баталіонъ въ порядокъ, при условіи полнаго отрѣшенія отъ порядка номеровъ ротъ. Гдѣ же тутъ поминать, какая рота стояла въ головѣ, какая въ хвостѣ колонны (*).

(*). Авторъ настоящей статьи очевидно не исполнилъ усилія себѣ мысли г. Д. о независимости номеровъ ротъ въ баталіонѣ.

Что касается желанія автора имѣть прерывчатую линію въ баталіона, въ развернутомъ строѣ, то, эти пять шаговъ интервала, которые авторъ требуетъ, конечно не нарушаютъ сомнѣности баталіона, а польза дѣйствительная.

Затѣмъ, авторъ переходитъ къ боевымъ порядкамъ. Онъ возражаетъ, съ привычною рѣзкостью, противъ назначенія начальниковъ линій, требуетъ связи баталіоновъ не по линіямъ фронта, а по перпендикулярному къ ней направленію и проч. Все это вѣрно, и было бы весьма назидательно, если бы устранилъ крайности въ родѣ клейменія отсталостію памяти Фридриха-Великаго, или вводилъ какую-то новую науку: „перпендикулярную тактику“ въ противоположность какой-то „линейной“. Къ чему эта новая терминологія? А между тѣмъ, это высказано военнымъ писателемъ, пользующимся уваженіемъ; вѣдь это идетъ на всю широкую Русь—вѣдь примутъ на вѣру, что дѣйствительно есть какія-то новыя тактики по начертанію разныя линій. Въ сущности же, нельзя въ строгомъ смыслѣ сказать, чтобы баталіонъ первой линіи не былъ поддерживаемъ рядомъ стоящимъ; не столько же пунктовъ атаки въ неприятельской позиціи, сколько баталіоновъ въ линіи; слѣдовательно, и по линіи фронта существуетъ поддержка, выручка, какъ и изъ частей второй линіи. Конечно нельзя не желать, чтобы войска были располагаемы въ боевыхъ линіяхъ такъ, чтобы за каждымъ баталіономъ первой линіи стояла часть своего же полка во второй линіи, это всего надежнее и ведетъ за собою то удобство, что полковой командиръ, слѣдовательно, располагаетъ частями первой линіи и соответствующими имъ поддержанными второй. Но, это такъ просто, что едва ли можетъ служить основаніемъ новой тактикѣ. Разбирая боевыя порядки надобно замѣтить, что вовсе не духъ линейной тактики повелъ къ созданію такъ называемыхъ: *нормальною и резервною порядковъ*, они создались сами собою. Сначала полагали, что вдумавшись во всѣ случаи, въ которые дивизія можетъ быть поставлена въ бою, возможно сгруппировать ихъ въ нѣсколько однородныхъ или между собою слодныхъ категорій, и на этомъ основаніи начертаны были прѣзніе четыре боевыя порядка. Но вѣдь и они предлагались не какъ непремѣнныя рамки для постоянного въ нихъ размѣщенія войскъ, а должны были служить только указаніемъ. За тѣмъ, убѣдились, что слишкомъ трудна задача сгруппировать по категоріямъ всѣ многоразличныя обстоятельства

боя, чтобы создать четыре примѣрныхъ расположенія дивизіи. Стало яснѣе, что подобныя совершенно самостоятельныя примѣры можно бы создать множество, а потому вовсе отрицались отъ всякой попытки къ разрѣшенію этой задачи.

Вслѣдствіе этого, отброшены существовавшіе четыре примѣра, приняты лишь резервный порядокъ, какъ дѣйствительно полезный при извѣстныхъ условіяхъ.

Но этотъ порядокъ, по тѣснотѣ своей, можетъ служить лишь при сборѣ дивизіи: изъ походныхъ колоннъ при расположеніи на бивакахъ и т. п.; за тѣмъ для дальнѣйшаго наступленія порядокъ этотъ неудобенъ. Г. Д. самъ говоритъ, что попадалъ этотъ порядокъ подъ огонь — естественно явилась мысль созданія другаго порядка, болѣе просторнаго, болѣе способнаго къ движенію и гдѣ были бы задатки боевыхъ условій размѣщенія дивизіи, т. е. резервъ и части, назначенныя для первой встрѣчи непріятеля, гдѣ артиллерія была бы ближе къ выводу на позицію и т. д. Изъ этихъ данныхъ и составилась такъ называемый „нормальный порядокъ“ или просто „боевой порядокъ“ состоящій изъ двухъ линій и резерва, какъ самая „упругая форма“ выражалась словами г. Д., форма предпочтенная и Наполеономъ для большей части случаевъ. Скажутъ, что нѣтъ надобности сочинять новый порядокъ для первоначальнаго расположенія, потому что стоитъ лишь раздвинуть резервный порядокъ въ видахъ достиженія большаго простора — возраженіе было бы вѣрно, если бы полкъ не стоялъ въ резервномъ порядкѣ, имѣя головы баталіоновъ на линіи. Это то послѣднее обстоятельство, разводя полкъ съ перваго начала на длинную линію, сразу отниметъ у полковаго командира возможность личнаго управленія полкомъ. Но, чтобы избѣжать этого, дѣйствительнаго неудобства, стоитъ лишь въ первоначальномъ порядкѣ поставить полкъ такъ, чтобы баталіонъ выдвинуть впередъ, держа два другихъ за нимъ во второй линіи. При этомъ бригада будетъ въ боевыхъ линіяхъ и бригада въ резервѣ. Такое расположеніе имѣло бы всѣ данныя, требуемыя „перпендикулярною тактикою“. Кромѣ того, можно въ первую линію выдвинуть 2, 4, 6 баталіоновъ, сколько потребуется; ни одинъ баталіонъ лишняго движенія не сдѣлаетъ, особенно, если приравливаясь къ этому, и резервный порядокъ дивизіи составить не изъ 4 линій развернутыхъ полковъ, а изъ 4 общихъ колоннъ по полкамъ, сдвинутыхъ на тѣсныя интервалы т. е. оставить пол-

ки такъ, какъ они собрались изъ походныхъ колоннъ: Въ настоящей статьѣ, я не ставлю себѣ задачей дѣлать предложенія, а потому, указывая на эту форму строя, имѣю въ виду лишь убѣдить, что уставъ нашъ даетъ всѣ средства въ выполненіи требуемой гибкости и во вторыхъ, что существованіе первоначальнаго пригготовительнаго, такъ сказать, порядка, не есть какая либо отсталость. Въ одной изъ прежнихъ разбразимыхъ статей оговорено, что „были между боевыми генералами нѣкоторые, также стремившіеся къ нормѣ, но происходило это именно отъ того, что они сами дѣйствовали безъ нормы и не извѣдали на себѣ ея мертвящаго вліянія, а между тѣмъ, неудобства отсутствія нормы видѣли очень хорошо изъ собственной практики“. Недавно появившаяся тактика Рюстова (*Allgemeine Taktik nach dem gegenwärtigen standpunkt der Kriegskunst bearbeitet*, 1868) также невидитъ возможности обойтись безъ пригготовительнаго порядка. Въдѣ неслѣдуетъ изъ всего сказаннаго, чтобы дивизія каждый разъ съодилась прежде въ этотъ порядокъ, а потомъ уже примѣняла его къ дѣлу, когда обстоятельства боя выяснятся. — Въ разбираемыхъ статьяхъ, говоря объ отставаніи боевыхъ порядковъ, авторъ прибавляетъ что въ мирное время это удобно: „не потому ли такъ и отставаютъ систему нормальныхъ порядковъ? Нельзя не согласиться, что такое соображеніе не послѣдней важности, если нѣтъ нормальнаго порядка, поди-ка выдумывай свой боевой порядокъ, за который еще пожалуй въ шапку попадетъ. Согласитесь сами неудобно. толи дѣло, не ломая головы, скомандовать: стройся въ боевой порядокъ“. Противъ этого скажу, что конечно, нормальный порядокъ облегченіе для начальника, не въ вышеозначенномъ смыслѣ; нѣтъ, но въ томъ смыслѣ, что очень часто приходится ставить войска не на заблаговременно выбранной позиціи, а вступать въ бой непосредственно по сбору изъ походныхъ колоннъ; начальникъ и не знаетъ еще на какой мѣстности онъ встрѣтится съ непріателемъ. Это почти всегдашняя доля того, кто выступаетъ въ бой не прекращая наступленія.

Случай, что резервный порядокъ попалъ подъ огонь, я себѣ именно тѣмъ и объясняю, что начальникъ, во избѣжаніе лишннихъ передвиженій, не развертывалъ дивизіи до выясненія обстоятельствъ. Если допустить, что начальникъ дивизіи, какъ намекаетъ авторъ, остался въ резервномъ порядкѣ по привычкѣ,

принятой въ мирное время, то скорѣе онъ бы построилъ дивизию въ одинъ изъ боевыхъ порядковъ, хотя бы совершенно неподходящій въ данной обстановкѣ.

На основаніи всего изложеннаго имѣть надобности, какъ мнѣ кажется, мѣнять шаблѣ нѣкотрый уставъ. Въ немъ достаточно желать ограниченія числа сигналовъ и принятія для всѣхъ ротъ баталіона одного ранжира справа направо; это послѣднее будетъ уже огромнымъ шагомъ для упрощенія устава и отрѣшенія отъ симметричности строя. Затѣмъ, и въ теперешнемъ положеніи устава можно сводить: то по 2, то по 4 ротныя колонны, ставя ихъ или рядомъ, или одну за другою, и будетъ тотъ строй, который такъ часто употребляемъ былъ въ послѣднюю австро-прусскую компанію. Для построенія каре можно рекомендовать правила, которыя испытывались прошлымъ лѣтомъ при Красносельскомъ лагерѣ. Каре пригодное и для развернутаго строя баталіона и для колонны къ атакѣ (*).

Вообще мнѣ кажется, что вдумавшись ближе въ требованія новаго направленія, оказывается, что собственно не уставъ нуженъ, а желательна инструкция, — боевое наставленіе, тому что итанія устава не замѣняютъ тактики.

Прослѣдивъ нѣкотрый уставъ, авторъ „Вѣроятныхъ измѣненій тактики“ переходитъ къ разбору кавалерійскаго устава и образу веденія кавалеріи, а за тѣмъ, и артиллеріи въ мирное время.

Полагаю несвоевременнымъ останавливаться на этихъ разборахъ, такъ какъ редація „Военнаго Сборника“ обѣщаетъ, въ скоромъ времени дать болѣе подробное развитіе желаемыхъ авторомъ измѣненій въ послѣдующихъ статьяхъ о воспитаніи и образованіи кавалеріи и артиллеріи. Но, не могу не оговорить, что и въ отдѣлѣ о кавалеріи, выводы новаго ученія такъ же крайни, какъ и относительно пѣхоты. Сверхъ нѣкоторыхъ крайностей, перечисленныхъ уже въ началѣ настоящей статьи о лошади, маневрѣ и проч. ученіе это требуя отрѣшенія отъ порядка номеровъ эскадроновъ въ полку, какъ и въ пѣхотѣ относительно ротъ, идетъ еще далѣе, требуя того же для взводовъ въ эскадронѣ, а послѣ разсыпной атаки и для одиночныхъ всадниковъ въ эскадронѣ. За тѣмъ, поставлено желаніе, чтобы кавалеріи

(*) Въ этомъ каре 1-я и 4-я роты строятъ ротныя каре на мѣстѣ, а 2-я и 3-я роты—одно, общее двухротное каре; стрѣльцовая рота ставится полувзводными нучками правѣе и лѣвѣе 1-й и 4-й ротъ.

Прим. авт.

кавалерія была выучена послѣ разсыпной атаки быстро свѣзаться въ среднѣй и продолжать атаку сомкнутымъ строемъ. Вспомните пожалуста атаку противниковъ нашихъ подъ Базаллавою, или атаку кирасиръ принца Алберта полна подъ Гроковымъ, или атаку Лейбъ-гусаръ при штурмѣ Варшавы!

Вдумавшись въ это требованіе, прихожу къ убѣжденію, что въ мирное время кавалерія пожалуй это сдѣлаетъ, но только въ мирное время; такъ что самое требованіе это прямо идетъ въразрѣзъ съ основнымъ правиломъ „учить войска только тому, что они должны дѣлать въ бою“.

Прослѣдивъ такимъ образомъ требованія автора послѣдней статьи относительно нашего пѣхотнаго устава, разборъ этотъ сводится къ тому, что: 1) Положеніе автора относительно самостоятельности ротъ принять полезно въ тѣхъ границахъ, чтобы эта самостоятельность ротъ не шла въ ущербъ самостоятельности баталіона; 2) положеніе отрѣшится отъ порядка номеровъ ротъ, эскадроновъ и взводовъ далеко не своевременно; 3) положеніе отбросить вовсе приготовительный или боевой порядокъ едва-ли можно признать полезнымъ; 4) желаніе прерывчатой линіи развернутаго баталіона можно принять какъ дѣйствительно полезное положеніе, равно какъ и желаніе, чтобы въ боевыхъ порядкахъ были бы начальники не по линіямъ, а начальники частей первой линіи и соответствующихъ имъ подкрѣпленій 2-й линіи.

Прослѣдивъ строевые уставы, авторъ „Вѣроятныхъ измѣненій въ тактикѣ“ переходитъ къ разбору существующей у насъ системы смотровъ и требуетъ, чтобы на смотрахъ повѣрять лишь то, что войсками къ тому времени пройдено; во вторыхъ—внезапности смотровъ т. е. безъ заблаговременнаго ихъ назначенія.

Жаль, что авторъ, повидимому, не знакомъ съ настоящею системою занятій войскъ въ Петербургскомъ военномъ округѣ. Здѣсь приказами по войскамъ объявляется два раза въ годъ система строевыхъ занятій: одинъ разъ осенью—на всѣ зимнія занятія, другой разъ весною—на занятія въ полѣ. Этими приказами поддерживается строгая систематичность занятій, по всѣмъ отраслямъ строеваго образованія. Начальники дивизій, слѣдя за обученіемъ войскъ, послѣдовательно провѣряютъ въ войскахъ каждый изъ пройденныхъ отдѣловъ занятій и, стало быть, фактически смотрятъ лишь то, что пройдено войсками.

Затѣмъ, раннею весною войска выводятся на смотръ для отда- нія отчета въ ихъ зимнихъ занятіяхъ, и не знаютъ, какой отдѣлъ этихъ занятій будетъ въ подробности провѣренъ; слѣ- довательно, такой смотръ — внезапный по существу своему. Сверхъ того, приказами отдаваемыми по зимнимъ занятіямъ, вмѣняется въ обязанность начальникамъ дивизій провѣрять до- машнія ученія въ полкахъ, наѣзжая возможно чаще, безъ всякаго предувѣдомленія, и это фактически исполняется. Слѣдова- тельно, положеніе автора разбираемой статьи, относительно порядка смотровъ дѣло не новое; положенія эти давно уже существуютъ въ практической жизни войскъ цѣлаго военного округа. Относительно же Высочайшихъ смотровъ, то и нельзя низводить ихъ на степень инспекціи. Эти смотры должны быть заблаговременно назначаемы (кромѣ конечно тревогъ), войска должны готовиться къ нимъ, потому что этимъ поддерживается значеніе этихъ смотровъ въ войскахъ.

Затѣмъ, не могу не высказать, что въ отдѣлѣ о воспитаніи войскъ, въ ряду разбираемыхъ статей оставлено много пробѣ- ловъ. Такъ, нигдѣ не говорится объ аванпостной службѣ. А, между тѣмъ, упражненіе войскъ малою войною существенно важно для военного ихъ быта; къ тому же, занятія эти болѣе другихъ строевыхъ занятій развиваютъ одиночную находчи- вость, смѣлливость и самостоятельность какъ офицера, такъ и солдата. Къ тому же, нынѣ во всѣхъ арміяхъ, не только у насъ, занятія эти въ мирное время какъ-то въ пренебреженіи (*). Это ослабленіе такъ называемой передовой или сторожевой службы при войскахъ не замедлилось отразиться и въ послѣд- нюю Германскую войну (безсвязность наступленія обѣихъ прус- скихъ армій къ Кениггерцу и къ Садово. Со стороны австрій- цевъ — появленіемъ арміи наслѣднаго принца прусскаго у с. Хлумъ; это же видно изъ хода дѣлъ у Находа и Скалицъ (въ австрійской арміи).

А съ другой стороны, нынѣ, когда фронтальная атака стано- вится столь рискованною, сторожевая служба будетъ существен- ною задачею для войскъ въ военное время. Сверхъ того, при развитіи той быстроты къ которой пріучается нынѣ кавалерія, малая война на протяженіи всего театра дѣйствій не минуемо будетъ сопровождать всякую кампанію. Порча желѣзныхъ до- рогъ, телеграфовъ, захватъ станцій на главныхъ центрахъ со-

(*) Помимо существующихъ инструкцій.

общеній—это все новое поприще для славныхъ поисковъ летучихъ отрядовъ.

Далѣе, говоря о воспитаніи войскъ и требуя что бы солдатъ былъ не утрашимъ, находчивъ, послушенъ волѣ начальника, что бы онъ былъ одушевленъ чувствомъ самоотверженія для выручки товарища, нигдѣ неговорится о другихъ нравственныхъ качествахъ, развитіе которыхъ столь же необходимо въ дѣлѣ воспитанія войскъ, какъ и храбрость солдата; также не говорится о развитіи и поддержаніи въ нижнихъ чинахъ теплой религіозности, которая одна можетъ утѣшить ихъ въ тѣ трудныя минуты жизни, которыми такъ переполненъ военный бытъ, а потому развитіе религіозности есть одна изъ важнѣйшихъ основъ въ дѣлѣ воспитанія войскъ.

Мнѣ възражать, что это не могло войти въ объемъ статей повременнаго изданія, что въ виду имѣлось собственно строевое образованіе войскъ, но это далеко не такъ, потому что въ статьяхъ этихъ, говоря о строевыхъ уставахъ и тактическомъ употребленіи войскъ, наибольшее развитіе посвящено отдѣлу воспитанія войскъ вообще; а въ послѣдней статьѣ авторъ даже говоритъ: что если ученіе его вѣрно (въ чемъ авторъ конечно не сомнѣвается), а между тѣмъ не будетъ оно принято, то „неминуемо придетъ другая, грозная критика, критика дѣла, доказывающая неосновательность того или другаго направленія въ образованіи войскъ не словами, а рѣками крови, десятками тысячъ головъ, уложенныхъ безъ славы и безъ пользы, иногда же и коѣ-чѣмъ похуже: *A bon entendeur salut...*“ Въ этихъ строкахъ дѣло идетъ конечно уже не о строевыхъ уставахъ.

Въ другомъ мѣстѣ, для поддержанія своихъ положеній отрицается употребленіе командныхъ словъ вообще, требуя ихъ замѣны приказаніями. Конечно, никому и въ голову не придетъ командою управлять тамъ, гдѣ ее не можетъ быть слышно. Но авторъ кажется вовсе упускаетъ изъ виду, что надобно дорожить привычкою солдата къ команднымъ словамъ. Неужели автору никогда не довелось слышать, какъ иногда громогласное „смирно“ сразу прекращаетъ даже поводъ къ безпорядку; или не слышалъ онъ знаменитаго „равняйся“, „сомкнись“ тутъ и тамъ схватываемыхъ въ пылу кроваваго боя, среди свиста пуль и грома орудій и многія другія команды—сразу отрезвляющія людей въ минуту колебанія. А вѣдь

вся сила этихъ магическихъ словъ лежитъ именно въ привычкѣ къ командѣ за годы воспитанія въ мирное время. Услышъ солдатъ команду въ кои-вѣки—команда дѣйствительно теряетъ значеніе. Это все особенности условій солдатскаго быта, гдѣ такъ много условнаго, что даже громы и молніи, брошенные знающею рукою, не могутъ быть *безусловно* отвергаемы. Въ этомъ, положи руку на сердце, создается всякій, кому случалось валяться по бивакамъ, вѣтъ сухари изъ манерки, да выручивать бѣлье на бивачныхъ огняхъ (*).

Говоря о приказаніяхъ, которыя отдаются передъ исполненіемъ какого-либо боеваго предназначенія, нельзя было не выяснитъ, что приказанія эти состоятъ чаще всего изъ двухъ—трехъ словъ одобренія, поощренія. А это дѣло не новое,—это искони и всегда имѣло мѣсто въ солдатскомъ быту. Какое нибудь „поработаемъ, ребята!“ съ указаніемъ саблею на деревню или рошу или — какъ мнѣ довелось самому слышать—„пушечки, ребята! пушечки!“ (т. е. атака на батарею); сюда же относятся знаменитыя: „la garde au feu!“ или наше русское: „ребятушки, выручай!“ и проч. и проч. Этимъ, конечно, я не отрицаю пользы объясненія людямъ намѣренія начальника на маневрахъ, при элементарныхъ строевыхъ занятіяхъ; но необъясненіе этой разницы толкованій въ мирное и въ военное время я также считаю пробѣломъ въ статьяхъ о воспитаніи войскъ.

Приступая къ настоящему разбору, я назвалъ рядъ этихъ статей ученіемъ; и дѣйствительно встрѣчаются уже въ военномъ сословіи ученики, съ крайнею самонадѣянностію отрицающіе всѣ выводы многолѣтнихъ трудовъ, всѣ изысканія, всѣ завѣтные преданія военной исторіи и — что всего хуже — не дающіе взаимнѣ стараго ничего... способнаго поддержать ту обаятельную прелесть военного быта, которая искони и вездѣ составляла единственное воздаяніе военному сословію.

Все это вызвало меня на настоящій разборъ, мѣстами, можетъ быть, рѣзкій; но собственно потому, что я не имѣлъ въ виду литературной статьи, я высказалъ прямо впечатлѣнія, произведенныя этимъ ученіемъ, и впечатлѣнія далеко не единичныя—собственно мои, но повѣренныя между многими, видѣвшими вблизи боевую службу. Сверхъ того, пишу не для

(*) Не подумайте чтобы я подразумевалъ кулачную расправу—она безусловно не прилична раняя старшаго.

полемики, а прямо отвѣчая на вызовъ „Военнаго Сборника“, чтобы изъ мнѣній и ихъ столкновеній высказалась истинная почва для столь близкихъ каждому военному вопросу, какъ воспитаніе войскъ.

Въ заключеніе долженъ сказать, что нельзя не отдать справедливость разбираемымъ статьямъ въ томъ отношеніи, что они, затронувъ множество вопросовъ, вызвали споры, изученія, наблюденія, словомъ сказать, они спасаютъ отъ усыпленія, и вѣроятно всякій военный отдастъ полную признательность трудолюбивымъ и даровитымъ авторамъ этихъ статей. Въ особенности же—если составители на столько уважатъ и читателей, и нашъ „Сборникъ“,—скажу больше—и самихъ себя—чтобы воздерживаться отъ рѣзкостей и крайностей. Первые не приличны: рыцари дрались на смерть, сохраняя обоюдное уваженіе; отъ крайностей—потому что „Военный Сборникъ“ далеко и повсюду читается; нерѣдко это—единственное чтеніе въ провинціальной военной стоянкѣ, и потому желательна болѣе строгая оцѣнка выводовъ. Это фактически уже много разъ высказано самою редакціею „Сборника“, которая все чаще и чаще прибѣгаетъ къ категорическимъ своимъ замѣчаніямъ въ самыхъ статьяхъ.

Генералъ-майоръ Гершельманъ.

23-го декабря 1867 г.